77а 2/13

27161
25/х 6

Любовь къ родинѣ и братство народовъ.

Есть люди, которые задумываются надъ вопросомъ слѣдуетъ ли любить свою родину. Есть даже такіе, которые и прямо заявляютъ, что не слѣдуетъ; есть люди, утверждающіе, что у рабочаго человѣка нѣтъ родины, что ему нечего любить.

Не будемъ *пока* разбираться въ этомъ вопросѣ. Быть можетъ и нѣтъ основаній непремѣнно любить свою родину, и все же каждый ее любитъ, отъ задыхающагося отъ жиру богача до послѣдняго нищаго, умирающаго отъ голода. И больше всѣхъ любитъ свою родину именно рабочій человѣкъ.

Нужда горькая часто гонитъ его за заработкомъ на чужбину, получаетъ онъ тамъ больше чѣмъ на родинѣ, живетъ чище да слаще, страна красивѣй и богаче, трудъ иной разъ легче и короче, и всетаки ноетъ душа, тоска заѣдаетъ.

Что ни говори, какъ ни убѣждай себя—трудно жить среди чужихъ людей. Вѣкъ живи—не обживешься. Хотя бы семью свою къ себѣ перевести на чужбину, да зажить своимъ хозяйствомъ, и этимъ дѣлу не помо-

жешь: скучно безъ сосѣдей и знакомыхъ, старыхъ друзей нѣтъ, а новыхъ не скоро вѣдь наживешь. И отдыхъ послѣ труда не настоящій, и праздникъ не праздникъ, погулять да поразвлечься не съ кѣмъ отъ души. Дурь прямо иной разъ беретъ отъ тоски: воздухъ, и тотъ кажется не такой, какъ слѣдуетъ быть—простору не хватаетъ, цвѣты какъ будто не тѣ и небеса не сини. Жить тошно и даже умирать труднѣе на чужой сторонкѣ, все тянетъ къ своимъ, на родину.

— Глупое сердце — пожалуй, скажетъ кто либо: — не помирать же съ голоду, коли дома ѣсть нечего.

Нѣтъ, не глупое. Человѣкъ по природѣ своей существо осѣдлое, крѣпко связанъ онъ съ родной землею. Этого не передѣлаешь никакъ, да и передѣлывать незачѣмъ. Не сердце человѣческое глупо, а порядокъ въ странѣ плохой, если человѣку приходится въ поискахъ работы волей неволею въ чужіе края уходить.

Не сердце, а порядокъ такой передѣлать слѣдуетъ, сдѣлать такъ, чтобы на родинѣ не было обездоленныхъ, чтобы для всѣхъ нашлось труда и хлѣба вдоволь. Земля всѣхъ насъ накормитъ, надо лишь устроить на родинѣ все, какъ слѣдуетъ.

Не любить родину нельзя. Всякъ ее любитъ—по своему. И въ этомъ именно бѣда, что всякій любитъ ее *по своему*, что не каждый любитъ ее, какъ слѣдуетъ. Любовь вѣдь бываетъ весьма и весьма различная. Многіе отъ любви дерутся, и больно дерутся.

Бывали въ старину изувѣры,—да и по сей день къ стыду для человѣчества не перевелись они,—готовые

77 a 2
13

„Свобода и братство народовъ".

(Серія популярныхъ брошюръ подъ ред. **Л. С. Козловскаго и А. Ѳ. Саликовскаго**).

---

1. Война, революція и свобода народовъ.—**Л. С. Козловскій.**
2. Любовь къ родинѣ и братство народовъ.—**Ѳ. В. Радванскій.**
3. Что такое національность.—**А. Ѳ. Саликовскій.**
4. Миръ и самоопредѣленіе народовъ.—**Н. А. Кабановъ.**
5. Объединеніе національностей.—**Н. А. Кабановъ.**
6. Единое государство и союзъ государствъ.—**А. Ѳ. Саликовскій.**
7. Что такое областная автономія?—**А. Ѳ. Саликовскій.**
8. Національный вопросъ въ Россіи и Учредительное Собраніе —**Л. С. Козловскій.**
9. Сербія.—**В. И. Пичета.**
10. Бельгія.—**С. Магенгеймъ.**
11. Ирландія.—**К. Дунинъ-Маркевичъ.**
12. Сербо-болгарская распря.—**Н. Н. Новиковъ.**
13. Борьба народовъ въ Австріи.—**Н. Н. Новиковъ.**
14. Украина.—**С. А. Ефремовъ.**
15. Что отнято самодержавіемъ у украинскаго народа.—**В. И. Пичета.**
16. Дѣятели украинскаго освобожденія.—**А. Ѳ. Саликовскій.**
17. Польша.—**Л. С. Козловскій.**
18. Финляндія.—**К. Тіандеръ.**
19. Еврейское безправіе и его плоды.—**М. Анчарова.**
20. Кто и почему устраивалъ еврейскіе погромы?—**М. Анчарова.**
21. Литовцы.—**К. Марковскій.**
22. Латыши.—**А. Дауге.**

Цѣна 35 коп.

К-во „ЗАДРУГА“.

Москва, Крестовоздвиженскій пер., д. 9. Петроградъ, Гончарная 24.

убить ближняго во имя любви къ ближнему. Много крови пролито ими во имя Христово. Избивали инако вѣрующихъ для того, чтобы уберечь ихъ отъ грѣха, совершали ужаснѣйшее изъ преступленій съ той цѣлью, чтобы спасти душу свою и чужую. Ужасная, свирѣпая любовь! Изъ за нея сжигали живыхъ людей на кострахъ, истязали ихъ неимовѣрными пытками, истязали до смерти въ православной Византіи, въ католической Испаніи, въ Италіи, Франціи, Германіи, на Руси святой... Нѣтъ страны въ мірѣ, которая не была бы запятнана кровью, пролитой во имя дикой, изувѣрской любви къ ближнему.

И родину иные любятъ до сихъ поръ точно такимъ же образомъ. Люди другой разъ, казалось бы, и умные и хорошіе, да какъ возьмутся за политику, какъ только начнутъ судить да рядить про родину, какъ бы устроить ее да получше,—такъ сейчасъ же въ драку, поѣдомъ ѣдятъ другъ друга, и твердятъ одно: непремѣнно всему быть по моему, а ежели нѣтъ, такъ лучше провались все въ преисподнюю.

Къ величайшему прискорбію даже у многихъ борцовъ за свободу, у людей самыхъ честныхъ и безкорыстныхъ, самоотверженныхъ, геройски смѣлыхъ, горячо любящихъ родину, готовыхъ жизнь положить за ея свободу и счастіе, нерѣдко нравъ такой, какъ у проклятой памяти императора Николая Перваго, засѣкавшаго солдатъ до смерти за то, что они не съ той ноги шагнули на парадѣ.

У такихъ все по указкѣ. Все непремѣнно такъ, какъ они придумали. И все отъ любви къ родинѣ, все лишь ради ея благополучія.

Такая любовь, *любовь нетерпимая*, хуже ненависти. Будь такимъ людямъ воля, не найди они отпора въ народѣ, такъ заведутъ порядокъ—хоть шаромъ покати.

Человѣкъ, дѣйствительно, по настоящему любящій свою родину, любящій ее больше, чѣмъ свои собственныя мнѣнія и вкусы, *долженъ уважать мнѣніе другого человѣка, уважать его право думать иначе, уважать свободу мысли и слова.* Никто не вправѣ считать себя непогрѣшимымъ на манеръ папы римскаго, никто не смѣетъ утверждать, что онъ одинъ нашелъ правду истину, что въ немъ одномъ, въ его ученіи единственное спасеніе для родины. Правда—мірское, общественное, дѣло а не дѣло одного лишь человѣка, хотя-бы и самаго умнаго. *Каждый пусть думаетъ, каждый пусть учитъ и убѣждаетъ другихъ, а ужъ общество разсудитъ.* Не даромъ сказано: міръ великій человѣкъ.

Человѣкъ, любящій свою родину по настоящему, искренно желающій ея блага, всегда будетъ отстаивать свое мнѣніе, грудью стоять за него, будетъ спорить съ другими, и долженъ спорить.

Но онъ не долженъ препятствовать другимъ дѣлать то же самое. Споръ долженъ быть честный и равный. Дѣло вѣдь не въ томъ, чтобы перекричать или засмѣять другъ друга, а чтобы сдѣлать яснымъ вопросъ, о которомъ споръ идетъ, разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ,—дѣло въ томъ, чтобы общими силами найти правильный путь къ общему благу.

Старая царская власть зажимала ротъ всѣмъ, кто дѣйствительно работалъ умомъ для блага родины. Она

боялась свободы мысли и слова, боялась, чтобы народъ не услышалъ свою, народную правду. Намъ-ли теперь зажимать глотку другъ другу во ими любви къ родинѣ? Намъ-ли не давать другимъ говорить? Намъ-ли не хотѣть выслушать чужое мнѣніе, хотя бы и неугодное?

—Нѣтъ! *Для насъ свобода мысли и слова не преступное, какъ при царяхъ было, а святое дѣло.*

Человѣкъ, дѣйствительно любящій свою родину, обязанъ *уважать право другого человѣка не только думать и говорить, но и поступать по иному.* Слово безъ дѣла мертво, свобода мысли и слова только тогда дѣйствительна, когда вмѣстѣ съ нею человѣкъ обладаетъ и *свободою дѣйствій*, если онъ можетъ поступить по совѣсти, не по принужденію, по своему собственному разумѣнію, а не по волѣ другого человѣка. Можетъ-ли дѣйствительно любить свою родину, любить ее *на дѣлѣ*, человѣкъ подневольный? Много-ли сдѣлаешь, если у тебя скованы руки?

Тутъ можно сдѣлать одно лишь: *разорвать цѣпи.* Пока у человѣка нѣтъ возможности трудиться для блага родины, у него одинъ лишь способъ проявить свою любовь къ ней: бороться и возможность служить ей дѣломъ *бороться за свободу.*

Добывъ же ее, надо помнить, что *дѣйствительная гражданская свобода это свобода, равная для всѣхъ*, надо помнить, что *гражданская свобода и законный порядокъ это одно и то же.* Человѣкъ дѣйствительно свободенъ только тогда, если онъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что никто не сможетъ нарушить его законныхъ правъ.

Свободный гражданинъ воленъ поступать по своему личному усмотрѣнію, но лишь постольку, поскольку его поступки не нарушаютъ такого-же права другихъ гражданъ, поскольку они не вредятъ общему дѣлу. Если всякій захочетъ дѣйствовать, какъ ему вздумается, не считаясь съ другими, стараясь всѣмъ навязать свою волю, такъ это будетъ не свобода, а безчинство, анархія, которая во сто разъ хуже самой скверной власти. Одинъ самодержецъ довелъ Россію до несчастія и позора, если же мы всѣ вдругъ вздумали бы вести себя самодержцами, не миновать ей тогда гибели. Спасти ее отъ послѣдствій той разрухи, которую оставило намъ въ наслѣдіе царское самодержавіе, можетъ одна лишь горячая, разумная любовь къ родинѣ, крѣпко спаивающая весь народъ воедино, *любовь къ свободѣ и порядку, уваженіе къ нашей собственной, народной власти*, поставленной для того, чтобы охранять эту свободу и порядокъ.

Если власть плоха, если люди, которымъ она поручена, неспособны толково исполнять возложенную на нихъ задачу, тогда ее можно и надо смѣнить. На то у насъ и есть полная гражданская свобода. Весь народъ можетъ и долженъ строго слѣдить за каждымъ шагомъ своей власти, обсуждать каждый ея поступокъ и каждое рѣшеніе, не только можетъ, но и обязанъ высказывать открыто и твердо свое мнѣніе по всѣмъ вопросамъ государственной жизни. Народная власть должна знать подлинную волю народа и поступать согласно съ ней. Если люди, стоящіе у власти, не захотятъ или не сумѣютъ дѣйствовать такимъ образомъ, ихъ надо смѣстить. Но смѣстить народную власть можно лишь закон-

нымъ образомъ, волею всего общества. Пока она у власти, ее надо уважать, беречь ее, повиноваться ея рѣшеніямъ и исполнять ея указанія, надо всячески поддерживать ее. Въ ней, въ народной власти, вся наша сила. Она одна лишь можетъ закрѣпить и защитить нашу свободу, она одна лишь можетъ установить необходимый порядокъ въ странѣ. Въ ней все спасеніе Россіи.

Любить родину—это первымъ дѣломъ уважать и поддерживать нашу народную власть, повиноваться ей не за страхъ, а за совѣсть.

Плохи окажутся, тогда и замѣнить сумѣемъ. Пока же хороши, покажемъ всему міру, что наше народное правительство во сто разъ крѣпче царскаго, что мы способны сами управлять страною и постоять за нее. Плохъ былъ у насъ порядокъ изъ подъ палки, но хорошій будетъ порядокъ свободный.

Да, любовь къ родинѣ должна быть настоящей. Надо знать, что собственно и какъ слѣдуетъ любить.

Въ славномъ городѣ Глуповѣ былъ мѣстный богатѣй, купецъ Богомоловъ. Отъ большого умиленія и тревоги душевной да отъ сердечной любви къ своимъ согражданамъ завѣщалъ онъ, умирая, все свое имущество всѣмъ глуповцамъ для равнаго раздѣла. Всѣхъ любилъ одинаково добрый старикъ, никого не хотѣлъ обойти, никого не хотѣлъ обидѣть, всѣхъ поровну облагодѣтельствовать. И что же вышло?—Получилось ровно по полтинѣ на человѣка. Богатъ былъ купецъ, но и городъ былъ не маленькій.

Нищія старухи, крѣпко надѣявшіяся на то, что Богомоловъ прикажетъ въ завѣщаніи выстроить для нихъ хорошую, теплую да сытую богодѣльню, и уже впередъ, при жизни, поминавшія его въ своихъ молитвахъ, не только не порадовались полтинѣ, но проклинали старика. Приказчики, разсчитывавшіе навѣрняка, — купецъ былъ ничего себѣ, не живодеръ,—что Богомоловъ оставитъ по завѣщанію кое что для нихъ за тяжелый ихъ трудъ, которымъ было нажито все его состояніе, тѣ прямо заявили, что старикъ былъ, оказывается, прохвостъ, и просто на просто надулъ ихъ да обворовалъ. А сосѣдъ — другъ милый, купецъ Недотыкинъ, такъ тотъ только плюнулъ и непечатно выругался, принявъ даръ за злую насмѣшку.

Все отдалъ добрый купецъ, и никому не угодилъ. Одни лишь пьяницы глуповскіе помянули его хорошимъ словомъ за лишнюю косушку. Крѣпко любилъ родной свой Глуповъ богатый купецъ Богомоловъ, да толку изъ этой любви не вышло.

Такъ оно бываетъ подчасъ и съ любовью къ родинѣ. Размѣняешь ее на мелочь, и пропадетъ зря весь капиталъ. Иной мечется отъ этой любви, какъ угорѣлый, всѣмъ готовъ кидаться на шею, радъ бы все сдѣлать для каждаго, а смотришь — за всю свою жизнь ничего путнаго и не сдѣлалъ.

Глуповскій губернаторъ Мелкокрадовъ тоже хорошій былъ человѣкъ, любившій родной свой Глуповъ отъ всего сердца. Да тотъ совсѣмъ уже сплоховалъ. Завѣщалъ онъ все свое благопріобрѣтенное за долголѣтнюю

службу царскую состояніе на постройку большого оперпаго театра, царскую ложу приказалъ въ немъ устроить пышную-пышную. Все отъ чистѣйшей любви къ родинѣ, для пущаго величія Россіи. Вѣдь можетъ же случиться,— думалъ преисполненный любви къ родинѣ и гордости народной дворянинъ,—что осчастливитъ когда нибудь своимъ посѣщеніемъ славный городъ Глуповъ царь-батюшка, а тутъ нечѣмъ будетъ развеселить его милость, потѣшить царскія очи. Обидно глуповскому патріоту.

Люди думали, что старикъ оставитъ свои денежки ну хоть на приличное оборудованіе пожарной команды, да новыя хорошія пожарныя трубы да лѣстницы, благо очень ужъ любилъ покойный губернаторъ выѣзжать на пожаръ да команду подтягивать,—тотъ возьми да построй театръ да царскую ложу въ немъ. Всѣ въ одинъ голосъ сказали: рехнулся подъ конецъ, да и только.

Самого то царя нашъ губернаторъ, правду сказать, не столь любилъ, сколько почиталъ. Да какъ почиталъ! Прямо боготворилъ его. Не за то, конечно, боготворилъ Мелкокрадовъ Николая, что тотъ по колѣни бродилъ въ народной крови, разстрѣливалъ и вѣшалъ безъ пощады, истощалъ послѣднія силы народа законными и незаконными поборами, но потому, что видѣлъ въ грозномъ царѣ олицетвореніе царственной мощи великой Россіи. Предъ грознымъ царемъ преклонялась вся Европа! Ради такой славы, ради такого величія можно и надо, по глуповскому патріотизму, претерпѣть всѣ невзгоды, перенести всѣ страданія, въ особенности, если самъ то не больно страдаешь. Не губернаторы же въ самомъ дѣлѣ помирали съ голоду, не губернаторовъ

пороли да на смерть засѣкали, не губернаторовъ вѣшали да разстрѣливали. Чужимъ страданіемъ не такъ ужъ трудно купить величіе родины.

Самъ по себѣ губернаторъ Мелкокрадовъ былъ человѣкъ добрый, мягкосердечный. Если и приказывалъ время отъ времени выпороть крѣпостного повара своего Фильку, то отнюдь не потому, что не любилъ и стерпѣть не могъ скверно зажареннаго гуся, но лишь для его же собственнаго, самого Фильки блага и спасенія, для того, что порокъ, и пьянство въ особенности, необходимо искоренять, и, конечно, искоренять наказаніемъ. Приказывалъ пороть больно, но отнюдь не отъ злобы, а лишь ради спасительнаго примѣра, для блага темнаго и склоннаго къ распущенности народа, изъ любви къ родинѣ, для поддержанія въ ней порядка, котораго, вѣстимо, по мнѣнію не одного лишь глуповскаго губернатора, но и по мнѣнію многихъ ученыхъ профессоровъ нашего времени безъ, кнута и палки не удержать никакъ.

Не перевелись и по сей день Богомоловы да Мелкокрадовы. До сихъ поръ многіе любятъ родину, и горячо, искренне любятъ ее, по ихъ образцу. Можно сказать даже, къ сожалѣнію, что такъ именно любитъ родину до сихъ поръ большинство изъ тѣхъ, кому хорошо живется на Руси.

И еще не велика бѣда, если человѣкъ любитъ родину безтолково, не разбираясь, что въ ней хорошо и что худо, что слѣдуетъ беречь и развивать и что слѣдуетъ исправить или даже совсѣмъ искоренить. Иные прямо такъ и заявляютъ, что такъ именно слѣдуетъ

любить ее, что лишь такая любовь, слѣпая, животная привязанность къ родному мѣсту, роднымъ людямъ и роднымъ порядкамъ есть дѣйствительная любовь къ родинѣ. Полюби насъ черненькими, бѣленькими насъ всякій полюбитъ, говоритъ пословица. Коли любить, такъ ужъ любить все—и хорошее и дурное. Не одну лишь ниву колосистую да лѣса кудрявые, но и грязь непролазную деревенской улицы; не одну лишь пѣсню задушевную, дѣвичій хороводъ, да развеселую потѣху молодецкую, но и безшабашную удаль горькаго пьяницы, разгулъ безпутнаго бродяги, дикую, угарную „пляску съ топаньемъ и свистомъ подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.“ Надо любить и беречь ее безъ разбору, говорятъ такіе патріоты. Хотя иное у насъ и скверно и мерзко да за то свое, не купленое, и такимъ пусть останется. Пусть останется Русь голодная, Русь пьяная, Русь темная, да за то настоящая, неподдѣльная. Кому плохо, намъ хорошо.

Для господъ такая любовь къ родинѣ или, какъ говорится, квасной патріотизмъ, пожалуй, и годится. Кто лишь отъ времени до времени выѣзжаетъ за городъ покататься въ каретѣ, тому отъ деревенской грязи горя мало. Кто живетъ въ чистомъ богатомъ кварталѣ да къ тому же всегда можетъ уѣхать на дачу или въ заграничный курортъ, тому могутъ казаться красивыми пышные султаны дыма заводскихъ трубъ, заволакивающаго такимъ интереснымъ, таинственнымъ туманомъ рабочіе кварталы. Но отъ этого дыма задыхаются наши дѣти, хирѣетъ и гибнетъ преждевременно рабочій человѣкъ.

Избалованная, разодѣтая и раздушенная госпожа иной разъ заглядится-залюбуется на немытыя рожицы босыхъ ребятишекъ, дастъ по леденцу и, восхищаясь всѣмъ вокругъ, потому что ей то вѣдь хорошо, восхищаясь даже грязной рванью, висящею на худенькихъ плечикахъ ребенка, воскликнетъ только: „ахъ, какъ живописно!“ И убѣждена, что любить свою родину,—конечно любитъ, разъ ей нравится рѣшительно все.

Кому живется хорошо, тотъ радъ все оставить по старому, тому не нужно никакихъ измѣненій, всякая попытка добиться лучшаго кажется опасной, если не впрямь вредной. И вотъ когда разгорается борьба за народное счастье, за свободу, за лучшее будущее, всѣ такіе лощеные, сытые и довольные патріоты начинаютъ кричатъ во всю мочь: караулъ, отечество въ опасности.

Бываетъ и хуже. Надо любить, скажетъ иной, не все, а лишь коренное, древнее. Надо не то что все оставить по старому, а повернуть назадъ, возвратиться къ прошлому, къ блаженнымъ временамъ царя Гороха. На эту удочку казалось бы трудно въ наше время много рыбы наловить, а всетаки есть люди, легко забывающіе ужасы минувшихъ дней, забывающіе черезчуръ скоро минувшее горе и принимающіе волшебныя сказки про старое, доброе время за настоящую быль.

Разумный человѣкъ сразу пойметъ, что надо любить не настоящее, не прошлое, а *будущее*, что дѣйствительно любить родину—значитъ любить ее не такой, какая она есть, не какая она была, а такой, какой она *должна быть*. Въ настоящемъ и въ прошломъ родины надо

любить то, что дѣлало и дѣлаетъ ее лучшей, то, отчего людямъ дѣлалось легче, свободнѣе, счастливѣе. Надо любить то, чѣмъ дѣйствительно создается счастье, величіе и слава родины.

Говорятъ, что создали ихъ цари, да бояре, купцы именитые, да промышленники. Они вѣдь настроили дворцовъ и палатъ, собрали сокровища несмѣтныя, создали силу и богатство государства. Невелика, положимъ, оказалась сила государства при Николаѣ Послѣднемъ, отъ богатства остались одни лишь долги неоплатные, займы безконечные, однако же—не всегда дѣла обстояли у насъ такимъ образомъ, и не такъ обстоятъ они въ другихъ государствахъ. Не такъ уже трудно повѣрить, что разумные цари да хозяйственные баре могутъ дѣйствительно создать силу и богатство государства.

И однакожъ это сущій вздоръ. Единственная сила, которая на самомъ дѣлѣ способна создать что либо въ мірѣ, это—человѣческій трудъ. Не воля царская построила всѣ тѣ пышные хоромы, да дворцы, а подневольный трудъ народа, стонавшаго подъ ярмомъ царей.

Стоитъ въ Москвѣ у стѣнъ кремлевскихъ дивный по красотѣ своей храмъ Василія Блаженнаго. Говорятъ про него ученые историки, что онъ построенъ царемъ Иваномъ Грознымъ. Какъ же строилъ его царь-батюшка? Положилъ-ли онъ хоть одинъ камень? Или можетъ быть умѣлой рукой планъ начертилъ для постройки?

Вотъ что сдѣлалъ великій сей строитель: онъ велѣлъ выстроить храмъ. Вотъ вамъ и вся царская работа. А потомъ, когда храмъ былъ уже построенъ и

понравился царю, онъ, говорятъ, приказалъ выколоть глаза зодчему, руководившему постройкой, дабы тотъ не могъ построить другого храма такой же красоты или можетъ быть еще красивѣе. До того понравилась царю его работа.

Надо-ли лучшаго примѣра царскаго строительства? Не будь этихъ строителей, не будь рабства народнаго, свободный народъ сумѣлъ бы застроить родину во сто разъ лучше, во сто разъ красивѣе.

Петербургъ, говорятъ, построенъ императоромъ Петромъ Великимъ. Гдѣ уже лучшаго строителя подыщешь!

Что же сдѣлалъ онъ на самомъ дѣлѣ?—Согналъ со всѣхъ концовъ Россіи десятки тысячъ крѣпостныхъ мужиковъ, да топилъ ихъ нещадно въ финскомъ болотѣ. Сколько городовъ могли бы они построить на Руси, если бъ ихъ не морили да топили, а дали возможность работать свободно, работать, щадя силу и здоровье, щадя жизнь трудовую?

Кому дѣйствительно дорого величіе родины, и кто умѣетъ разобраться въ сути дѣла, тотъ не будетъ славить палку, гуляющую по спинамъ, а будетъ славить тѣ мозолистыя руки, которыя не устаютъ за работой, несмотря на палку, не дающую ни отдохнуть, ни работать какъ слѣдуетъ. Кто дѣйствительно любитъ родину, тотъ не станетъ славить царей да господъ, не станетъ славить понукателей и старателей, а встанетъ на защиту труда, будетъ бороться за освобожденіе трудового народа отъ гнета и нужды. Онъ не захочетъ повернуть назадъ къ „доброму старому времени“, а бу-

детъ трудиться, не покладая рукъ, чтобы оно *не* вернулось, всѣ свои думы и силы посвятитъ укрѣпленію завоеваній нашей революціи, освободившей народъ отъ вѣкового рабства, отдастъ всего себя на служеніе дальнѣйшему развитію свободы.

Работы вѣдь передъ нами боръ непочатый: надо все перестроить по новому, по хорошему. Строить надо, и строить толково, не въ разбродъ, а сообща, сплотившись всей трудовой семьею воедино, и не съ золоченыхъ крышъ начиная, а съ самаго низу, съ крѣпкаго фундамента.

Оно, правда, хорошо, ежели въ городѣ сады да бульвары, театры да музеи всякіе, хороши гладко мощеныя улицы, залитыя по вечерамъ потоками электрическаго свѣта. Но плохо, если на улицѣ свѣтло, да въ головахъ тьма тьмущая, на мостовой ни пылинки, да за то одна лишь пыль да сорная трава въ мозгахъ. Внѣшнее благоустройство необходимо, но первымъ дѣломъ подумать надо о благоустройствѣ внутреннемъ, о просвѣщеніи народномъ, о хорошей школѣ и книгѣ.

Тутъ нужны и университеты и всякія другія училища, но всего нужнѣе начальныя школы, всего нужнѣе всеобщее обученіе. Странѣ необходимы знающіе свое ремесло инженеры, врачи, ученые земледѣльцы (агрономы), да лѣсоводы, толковые судьи и повѣренные, хорошо знакомые со всякими народными и государственными нуждами чиновники. Народу необходимы умные правители. Но плохо, если самъ онъ теменъ и разобраться толкомъ не можетъ, кого правителемъ

поставить и чего отъ него требовать. Темному народу умные правители зачастую не въ пользу, а въ тягость: заберутъ верхъ и начнутъ гнуть все на старый ладъ, станутъ править не для общаго блага, а для личной корысти.

Оказывается, любить родину по настоящему не такое ужъ простое дѣло—тутъ поди цѣлая наука! Рабочему человѣку она, правда, дается легче, чѣмъ кому либо другому, потому что все въ ней ведетъ къ одному лишь благу для него, къ улучшенію условій его жизни, потому что служа родинѣ, онъ тѣмъ самымъ защищаетъ свои собственные интересы, и если самъ, быть можетъ, лично отъ своихъ трудовъ пользы получить, не успѣетъ, если самъ и помретъ, не дождавшись лучшихъ дней, то во всякомъ случаѣ не на чужого человѣка потрудился: потрудился для блага своихъ же дѣтей.

Да, любовь къ родинѣ не праздная выдумка, а кровное народное дѣло. *Свобода и порядокъ, крѣпкая выборная народная власть, умѣющая защитить свободу и установить порядокъ, умѣющая править страною для общей пользы и блага,—сплоченность, организованность всего трудового народа, безъ которой дѣйствительно народной власти быть не можетъ,—всенародное просвѣщеніе, охрана народнаго здоровья, охрана народной трудоспособности, постоянная борьба за улучшеніе условій труда,*—вотъ это и есть тотъ крѣпкій фундаментъ, на которомъ только и можетъ быть построено дѣйствительное благополучіе родины, дѣйствительное ея величіе,—*вотъ это и есть основные завѣты любви къ родинѣ.*

Любить родину на самомъ дѣлѣ не такъ легко. Нестоющая это любовь, если у человѣка одни лишь слова да чувства, хотя бы и самыя хорошія, самыя возвышенныя, но все же одни лишь слова, дѣлъ же нѣтъ,— если человѣкъ умѣетъ лишь прославять и расхваливать родину, радоваться ее счастьемъ и печалиться ея горемъ, но не умѣетъ трудиться для ея блага не покладая рукъ не готовъ защищать ее, не щадя жизни своей, ни силъ защищать до послѣдняго издыханія.

Такъ ли это одноко же? Надо ли непремѣнно защищать свою родину? Вѣдь какъ-никакъ она *пожалуетъ не наша*. Это можетъ сказать не одинъ лишь фабричный рабочій да батракъ, у котораго нѣтъ никакой собственности, нѣтъ ничего своего, кромѣ одной лишь своей рабочей силы, которую онъ принужденъ продавать, но которую отнять у него нельзя. Такъ могутъ сказать многіе мелкіе собственники, малоземельные крестьяне, да полунищіе ремесленники и мелкіе торговцы, съ которыхъ тоже нечего взять, у которыхъ еслибъ даже отняли ихъ жалкое имущество, они все равно ничего не потеряютъ: зарабатывали вѣдь ровно столько, чтобы не помереть съ голоду, и хуже имъ все равно не будетъ.

Такъ разсуждаютъ не одни лишь люди темные, да равнодушные, но подчасъ и люди умные, хорошіе. Такъ разсуждалъ, напримѣръ, еще три года тому назадъ извѣстный французскій писатель соціалистъ Густавъ Эрве. Теперь онъ измѣнилъ свой взглядъ, теперь онъ громче, чѣмъ кто либо, зоветъ на защиту родины, призываетъ

къ войнѣ до конца, до полнаго отраженія врага, до полнаго изгнанія германцевъ изъ занятыхъ ими французскихъ земель. Но это лишь съ тѣхъ поръ, какъ началась война. До войны онъ утверждалъ, что у рабочаго человѣка нѣтъ родины, что ему нечего защищать, ему нѣтъ дѣла до войны капиталистовъ чужой страны съ капиталистами своей страны. Не все ли равно, кто тебѣ сядетъ на шею, кто кровь твою сосать будетъ, если у тебя пока недостаточно силъ, чтобы избавиться вообще отъ всѣхъ кровопійцъ?

Густавъ Эрве училъ, что рабочіе не должны защищать родины. *Войнѣ* самой необходимо воспротивиться не дать капиталистамъ устроить всенародную бойню, надо не драться за нихъ, а бросать оружіе и отказаться явиться на мобилизацію тѣмъ, кого призываютъ тѣмъ же, кто остается дома, устроить всеобщую забастовку, бросить работу и такимъ образомъ сдѣлать войну невозможной.

Оно, конечно, было бы очень хорошо, если можно было не допустить до этой ужасной войны, которая затягивается вотъ уже на четвертый годъ. Но для этого надо бы во первыхъ, чтобы въ своей странѣ столковалось на этотъ счетъ громадное большинство народа, чтобы оно столковалось окончательно, рѣшило во что бы то ни стало отказаться воевать, отказаться исполнить приказъ о выступленіи, не страшась никакихъ каръ, не страшась и внутренней, гражданской войны. Во вторыхъ необходимо, чтобы въ другой, собирающейся воевать странѣ, такое же большинство также рѣшило бро-

сить оружіе. И въ третьихъ—необходимо, чтобы оба народа заранѣе условились насчетъ точнаго срока и способовъ бунта противъ войны, чтобы было заранѣе установлено, когда начинать: сразу-ли, въ первый день объявленія мобилизаціи, просто значитъ не являться на сборные пункты, или же начинать только послѣ мобилизаціи, уже собравшись вмѣстѣ, или даже, можетъ быть, обождать до самой отправки на боевой фронтъ и тамъ вмѣсто того, чтобы воевать другъ съ другомъ—брататься съ войсками противной стороны, и за одно съ ними поднять знамя совсѣмъ другой войны: войны противъ капиталистовъ и помѣщиковъ обѣихъ странъ. Все это надо бы подготовить заранѣе, надо бы знать навѣрняка, что планъ удается,—а тутъ какъ разъ наоборотъ: даже на то, что отказывающіеся воевать окажутся въ большинствѣ и въ самыхъ просвѣщенныхъ, самыхъ мирныхъ странахъ, разсчитывать трудно.

Въ той самой Франціи, гдѣ противувоенная агитація была до войны чрезвычайно развита, гдѣ на рабочихъ съѣздахъ рабочіе заявляли прямо, что они вовсе не намѣрены воевать даже для защиты родины, что ежели правительство ввяжется въ войну, такъ они вмѣсто того, чтобы пойти на фронтъ да на заводы работать для фронта, немедленно же устроять всеобщую забастовку и не дадутъ правительству воевать, даже и во Франціи *на дѣлѣ* отказалось пойти на войну самое ничтожное количество крѣпколобыхъ и недалекихъ людей.

А ужъ второе и, въ особенности, третье условіе успѣха попытки остановить войну — одновременность выступленія противъ войны, одновременный отказъ уби-

вать другъ друга — просто напросто неосуществимы. Какъ же тутъ, на самомъ дѣлѣ, сговориться?

Кто будетъ вести переговоры? Можно ли безусловно вѣрить тому, кто скажетъ, что переговоры велись, что договоръ состоялся и что всѣмъ надо бросить оружіе и бастовать въ такой именно срокъ? Конечно, нельзя!

Вѣдь тутъ не то что провокація и измѣна, а простая ошибка грозитъ смертью многимъ тысячамъ своихъ же братьевъ, подставившихъ легковѣрно беззащитную грудь подъ вражескія пули! Вѣдь тутъ предашь разоренію свою же родную землю!

Худшая изъ войнъ это вѣдь несомнѣнно та война, которая ведется въ своей собственной странѣ. Отказываться воевать, не будучи въ состояніи на самомъ дѣлѣ не допустить до войны, это значитъ какъ разъ накликать на свою голову самую страшную бѣду, это значитъ открывать врагу ворота въ свою страну, готовить родинѣ пораженіе и порабощеніе.

Это знали хорошо нѣмецкіе соціалисты и наотрѣзъ отказались еще задолго до войны слушать пораженческія рѣчи. Они вели усиленную агитацію въ народѣ противъ своего правительства, подготовлявшаго войну уже давно, но въ то же время нисколько не обѣщали устраивать забастовку и бросать оружіе въ случаѣ, если правительство объявитъ войну. Напротивъ, весьма многіе изъ нихъ откровенно заявляли, что пойдутъ воевать безпрекословно. Покойный Августъ Бебель, одинъ изъ самыхъ честныхъ и самыхъ умныхъ вождей нѣмецкаго рабочаго класса, подавая въ парламентѣ свой голосъ

противъ вооруженій, заявилъ въ то же время, что если, несмотря на всѣ усилія рабочаго класса предотвратить войну, она всетаки разгорится, то онъ, какъ ни старъ и слабъ, возьметъ винтовку и пойдетъ на фронтъ защищать родину!

Тому же Густаву Эрве совѣтовалъ Бебель бросить разговоры о забастовкѣ противъ войны, бросить всякую работу, которая разъѣдаетъ духъ арміи и дѣлаетъ ее менѣе боеспособной. Этимъ — говорилъ онъ — можно только ускорить войну. Честный противникъ войны и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошій патріотъ и умный человѣкъ, онъ такъ предостерегалъ своихъ французскихъ товарищей соціалистовъ: если наше, постоянно стремящееся къ захватамъ, правительство, если наша военная партія придетъ къ тому убѣжденію, что ваши разговоры про всеобщую забастовку на случай объявленія войны да про отказъ отъ борьбы самой арміи не простое бахвальство, а на самомъ дѣлѣ что нибудь значатъ, если они придутъ къ убѣжденію, что ваша агитація разшатала способность Франціи къ оборонѣ, они наберутъ лишь охоты къ нападенію. Такая борьба противъ войны, которая ослабляетъ боеспособность арміи и вообще уменьшаетъ способность страны къ оборонѣ, не только не ведетъ къ устраненію опасности, а прямо таки накликаетъ бѣду, дѣлая военную партію другой страны, всѣхъ этихъ захватчиковъ да грабителей, сильнѣе и наглѣе.

Такъ училъ французскихъ своихъ товарищей честный вождь нѣмецкаго рабочаго класса, знавшій, что нѣмецкій народъ не созрѣлъ до такой степени, чтобы быть въ состояніи обуздать захватныя стремленія своего пра-

вительства, и не хотѣвшій стать измѣнникомъ ни своей родины, ни своихъ товарищей — французскихъ рабочихъ. Онъ предостерегалъ ихъ заранѣе: вамъ придется защищаться, Германія готовится къ нападенію, мы, нѣмецкіе рабочіе, не сможемъ сразу же свалить свое правительство, а пораженія своей страны мы не желаемъ.

Многіе французскіе рабочіе только во время самой войны научились понимать глубокую истину словъ Бебеля, многіе же наши товарищи и до сихъ поръ не научились понимать и цѣнить ее. Многіе до сихъ поръ не понимаютъ, что международное братство трудового народа не въ состояніи разорвать ту связь, которая соединяетъ рабочій классъ каждаго отдѣльнаго народа со всѣмъ народомъ, что дѣйствительное братство народовъ возможно лишь послѣ того, когда *во всѣхъ странахъ* трудовой народъ одержитъ побѣду надъ своими угнетателями — капиталистами и помѣщиками, когда *во всѣхъ странахъ* народъ свергнетъ жадныя, воинственныя старыя правительства и установитъ полное народовластіе.

Если бы трудовой народъ какой либо одной страны *одинъ* вздумалъ во время войны вмѣсто того, чтобы защищать страну отъ внѣшняго врага, поднять знамя войны гражданской, войны одной части народа противъ другой онъ не приблизилъ бы этимъ желаннаго мира, а напротивъ, отдалилъ бы его, не подвинулъ бы человѣчество хотя бы на одинъ шагъ, къ осуществленію братскаго единенія народовъ, а напротивъ, сдѣлалъ бы его на долгое время прямо таки немыслимымъ.

Правда, нѣкоторые думаютъ, что революція въ одной странѣ непремѣнно должна вызвать революцію въ другихъ странахъ, что трудовой народъ послѣдуетъ тамъ хорошему примѣру и свергнетъ свое правительство, увидѣвъ, что это удалось сосѣдямъ. Если мы могли свергнуть Николая, такъ почему же нѣмцы не могутъ свергнуть такимъ же образомъ Вильгельма?

Дѣло не такъ однако же просто, какъ кажется на первый взглядъ. Намъ удалось такъ легко свергнуть проклятый царскій тронъ, потому что у него не было уже *ровно никакой поддержки въ народѣ*, потому что Николай Послѣдній былъ не только Николаемъ Кровавымъ, былъ не только палачемъ рабочихъ и крестьянъ, а Николаемъ Измѣнникомъ, потому что онъ не защищалъ родину какъ слѣдуетъ, а защищалъ лишь свое собственное самодержавіе. И *всѣ* рѣшительно отвернулись отъ царя-предателя, даже самый реакціонный, самый что ни есть грабительскій классъ—наше дворянство—и то отказалось поддерживать самодержавіе.

Не то въ Германіи! Тамъ правительство Вильгельма II пользуется пока еще довѣріемъ *у всѣхъ имущихъ классовъ*, всѣ они готовы поддерживать его до послѣдней возможности. Тамъ царь — не измѣнникъ родинѣ, тамъ онъ не предатель, а вождь, и до сихъ поръ все пока вождь — побѣдитель. Тамъ въ рукахъ правительства все еще громадная сила, и нѣмецкіе рабочіе не потому лишь, какъ думаютъ нѣкоторые, не собираются свергать свое правительство, что опасаются, какъ бы не подпасть подъ иго англичанъ, а главнымъ образомъ потому, что

знаютъ хорошо, что теперь еще имъ съ правительствомъ Вильгельма однимъ не справиться, что теперь еще онъ, вмѣстѣ съ поддерживающими его имущими классами, *сильнѣе* нѣмецкаго рабочаго класса. Нѣмецкіе рабочіе знаютъ, что немедленное возстаніе противъ правительства, гражданская война Германіи могла бы, правда, привести къ ускоренію пораженія Вильгельма на фронтѣ, но заодно привела бы не къ побѣдѣ, а къ пораженію нѣмецкаго рабочаго класса въ его борьбѣ съ капиталистами.

Революція можетъ вспыхнуть лишь тогда, когда имущіе классы или, по крайней мѣрѣ, ихъ большинство отвернутся отъ старой власти и перестанутъ ее поддерживать, убѣдившись, что эта властъ не въ состояніи дать имъ ту добычу, которую имъ сулила, вовлекая страну въ кровопролитную и разорительную войну, когда они увидятъ, наконецъ, воочію, что старая власть ведетъ ихъ не къ побѣдѣ и всемірному господству, а къ пораженію и униженію.

Побѣдоносная революція возможно лишь тогда, когда *значительное большинство*, народъ перестаетъ довѣрять старой власти, когда и имущіе классы перестаютъ поддерживать ее и не только не мѣшаютъ перевороту, а готовы поддержать возстаніе трудового народа.

Не революція въ Германіи приведетъ къ пораженію Вильгельма, не революція уничтожитъ захватныя стремленія германскихъ юнкеровъ-помѣщиковъ и капиталистовъ, а наоборотъ, лишь пораженіе Вильгельма, лишь полное крушеніе всѣхъ надеждъ на захваты и корысти сдѣлаетъ возможнымъ революцію въ Германіи, лишь

пораженіе Вильгельма на фронтѣ можетъ дать намъ желанный миръ и братство народовъ.

Да! Миръ и братство народовъ,—какъ ни странно звучатъ эти слова во время самаго разгара взаимной рѣзни,—слова о мирѣ и братствѣ заодно съ призывомъ къ братоубійственной борьбѣ. Какъ ни странно, но это такъ. Путь къ братству не черезъ братаніе, а черезъ наступленіе, не черезъ отказъ отъ защиты, а черезъ побѣдоносное отраженіе врага. Тернистый залитый кровью, но единственный вѣрный путь къ дѣйствительному братству, а не къ братству лишь на словахъ.

Любовь къ родинѣ, готовность защищать ее до послѣдней капли крови не только не исключаетъ братской любви къ другимъ народомъ, а наоборотъ, является необходимымъ ея основаніемъ. Правда, и всѣ грабительскія и захватныя войны велись и ведутся такъ же во имя любви къ родинѣ, во имя ея величія, благополучія и славы. Но мы знаемъ также, какая это любовь, мы знаемъ, что побѣды, захваты и грабежи приводятъ не только побѣжденный, но и побѣждающій народъ къ порабощенію и нищетѣ, къ разнузданному господству захватчиковъ и грабителей, къ народной нуждѣ, народному рабству, народному позору.

Мы знаемъ, что дѣйствительная любовь къ родинѣ это любовь къ свободѣ, любовь къ свободному труду, любовь къ всенародному благу, къ общему счастью, а не къ счастью одной лишь маленькой кучки властителей.

Трудовой народъ не отдаетъ безъ борьбы своего но ему не нужно и чужого. Ему не нужны чужія земли—довольно свободной земли у тѣхъ, кто не рабо-

таетъ на ней, а держитъ лишь для того, чтобы лупить съ трудового крестьянства семь шкуръ за аренду. Ему не нужно господства надъ другими, потому что живетъ онъ своимъ трудомъ, а не чужимъ.

Кто живетъ за счетъ другого, тому, понятно, тѣмъ лучше, чѣмъ хуже другому, чѣмъ больше удается отнять у него. Но для трудового человѣка какъ разъ наоборотъ: чѣмъ больше заработокъ у сосѣда, тѣмъ больше онъ и у меня. Чѣмъ лучше онъ можетъ защитить свои права, чѣмъ свободнѣе его трудъ, тѣмъ легче и мнѣ бороться за улучшеніе условій существованія.

Интересы грабителей противоположны. Чѣмъ больше награбитъ одинъ, тѣмъ меньше остается для другого.

Но интересы трудящихся одинаковы, потому что трудящійся ни у кого ничего не отнимаетъ, а самъ создаетъ своимъ трудомъ, трудящійся человѣкъ беретъ не у другихъ людей, а отъ одной лишь природы да отъ своего умѣнія. Отъ другого трудящагося онъ можетъ лишь научиться скорѣе работать: помогая другъ другу, они всегда могутъ сдѣлать больше и лучше, чѣмъ работая врозь.

И когда трудовой народъ свергаетъ иго рабства тогда онъ протягиваетъ руки съ братскимъ привѣтомъ къ тѣмъ, кто уже свободенъ и къ тѣмъ, кто еще стонетъ подъ ярмомъ, кто еще только борется за свое освобожденіе.

Но только тотъ, кто умѣетъ отстоять свое собственное право, кто умѣетъ защитить себя, тотъ одинъ лишь можетъ на самомъ дѣлѣ помочь другому.

Свободные люди—братья. Но свободенъ лишь тотъ, кто готовъ жизнь отдать за свободу.

Кто желаетъ осуществленія братства народовъ, тотъ долженъ первымъ дѣломъ быть готовымъ умереть за родину.

2.06-2016

ЕЖЕДНЕВНЫЙ ЛИСТ УЧЁТА ТРЕБОВАНИЙ ДИСПЕТЧЕРА ОТДЕЛА КХ ГПИБ

Общий читальный зал

696-2
697-2
698-4
699-2

77a 2/13 X
инв. 27161